

ЕЛЕНА ГОВОР

ПАМЯТИ АЛЛЫ САВЕЛЬЕВНЫ

За долгие годы нашего знакомства Алла Савельевна Петриковская была для меня и любимым автором, и ментором, и коллегой, и другом.

Познакомились мы в далёком 1975 году. К тому времени я уже года четыре была «влюблена» в Австралию. Я хотела служить ей как рыцарь Прекрасной Даме, но не очень представляла как. Окончив школу в Минске, я поступила в институт на библиотечный факультет и к концу первого курса почувствовала, как рутина жизни затягивает меня.

И тогда, во время поездки в Москву, я написала отчаянное письмо Киму Владимировичу Малаховскому, занимавшемуся историей Австралии. Адресовано оно было почти что «на деревню дедушке» и написано совсем не академически, но чудо свершилось — он позвонил мне и пригласил прийти в Институт востоковедения в Армянском переулке. С замиранием сердца подошла я к старинному особняку за красивой оградой — прежде это был знаменитый Лазаревский институт. Ким Владимирович уже ждал меня вместе с Аллой Савельевной. Именно её доброжелательность

В гостях у Аллы Савельевны
в Москве в 2002-м году.
Слева — Юрий Петрович,
муж Аллы Савельевны,
справа — Елена Говор

и приветливость помогли мне прийти в себя. Пожалуй, эта встреча и решила мою судьбу, и Алла Савельевна, которой Ким Владимирович «поручил» меня, помогла мне направить мои мечты в практическое русло. С тех дней мне запомнилась её любимая присказка: «Под лежащий камень вода не течёт».

Конечно, это были времена «глухого» советского прошлого, когда девочка из провинции и мечтать не могла когда-нибудь работать в академическом институте, занимающимся зарубежными странами, но ещё тогда я заразилась совершенно особым отношением к жизни, которое исповедовала Алла Савельевна — если есть желание, то всегда можно найти применение рукам и уму для доброго дела. Ведь это была трагедия её поколения, а родилась она в 1930 году, молодость и зрелость которого пришлось на время сталинщины и потом на брежневский «застой», конца которому не предвиделось. Именно так и прожила свою жизнь Алла Савельевна — делая добро и занимаясь тем, где можно было не лгать, одним словом, живя «не по лжи», как когда-то сформулировал эту позицию Солженицын.

А идеи мне Алла Савельевна подарила в ту первую встречу замечательные. Прежде всего, как будущий библиотекарь-библиограф я, по её совету, начала составлять «Библиографию Австралии» — всего того, что было написано об Австралии на русском языке. Забегая вперёд, скажу, что в связи с этой библиографией я получила от Аллы Савельевны и первый урок научного этикета. Просматривая до-революционные толстые журналы, я обнаружила в «Современнике» никому неизвестные «Рассказы о колониях Вандименовой земли», опубликованные анонимно в 1850 году. Моих знаний в то время было недостаточно, чтобы попытаться определить их автора. Алла Савельевна же, увидев эту находку, «загорелась» — ведь история австралийской литературы была её специальностью, — и тут же установила автора. По существу, это было её открытие, но всегда, в своих публикациях и выступлениях, она отмечала и меня, как «автора» находки. Работа над библиографией увлекла меня, и уже к декабрю 1975 года я подготовила первый вариант её. В огромной картонной коробке в несколько рядов стояли каталожные карточки, которые я сама перепечатывала на пишущей машинке.

Мне хотелось как можно скорее доставить свои «открытия» моим московским богам, но возможности поехать в Москву не было, так как в институте шли занятия. И тогда я снарядила в Москву свою бабушку, Людмилу Иосифовну, которая и доставила каталог в институт Алле Савельевне. Бабушка, которая, в отличие от меня, не была заиклена только на Австралии, сразу привлекла Аллу Савельевну своей интеллигентностью, они «узнали» друг друга, как узнают друг друга люди, прошедшие через жернова

сталинских репрессий. Неудивительно, что бабушка рассказала, что она — вдова писателя Артёма Весёлого, и в конце Армянского переулка, на Покровке, где в 1920-е годы жил в доме-коммуне с другими молодыми писателями Артём, она с ним и познакомилась. Эта встреча ещё больше сблизила меня с Аллой Савельевной, и она всегда вспоминала мою бабушку Людмилу Иосифовну с теплотой.

Летом следующего года, когда я снова приехала в Москву, Алла Савельевна сделала для меня то, что не делают даже научные руководители. Она помогла мне сформулировать тему будущей научной работы «История библиотек Австралии, их роль в культурной жизни страны», объяснила, как находить материалы в Москве и как заказывать их из Австралии по международному межбиблиотечному абонементу, помогла записаться в фантастически «продвинутой» по тем временам Библиотеку иностранной литературы и в Ленинку. Благодаря ей для меня раскрылся интеллектуальный мир Москвы, и я почувствовала себя в ней «своей». Помню, например, как она подробно инструктировала меня, как добраться в Ленинке до рукописного предметного каталога статей. Когда-то Алла Савельевны и сама работала в недрах каталогов Ленинки и помнила ещё их «старую гвардию» — горстку интеллигентов, нашедших там убежище после сталинских репрессий. В эти годы Алла Савельевна научила меня работать с источниками, которые помогли мне в полной мере освоить английский язык, глубоко вгрызаясь в английские тексты по специальности.

А вот как писать, я училась по её книге «Генри Лоусон и рождение австралийского рассказа» (М., 1972), которую прочитала вдоль и поперёк. Это не просто добротная литературоведческая работа, которая выросла из её кандидатской диссертации, а тонкий поэтический анализ, написанный с любовью и мастерством, с душой — именно так она писала свои работы. Помню, как она рассказывала, что во время работы над диссертацией она чуть не «сломалась», до того трудно ей тогда пришлось — и работа, и маленький сын, и диссертация. Но в книге ничего этого не чувствуется, настолько легко и поэтически она написана. Сын её, Артём Рудницкий, кстати, тоже стал австраловедом и дипломатом.

И ещё хочется вспомнить Аллу Савельевну как доброго гения конференций по изучению Австралии и Океании, которые ежегодно проводились в Институте востоковедения с конца 1970-х годов. К тому времени он уже перебрался на улицу Рождественка, недалеко от Кузнецкого моста. На них съезжались специалисты со всего Советского Союза — историки Александр Массов из Ленинграда и Галина Каневская из Владивостока, антрополог-философ Левон Абрамян из Еревана, этнограф Николай Бутинов из Ленинграда и литературовед Ольга Зернецкая из

А. С. Петриковская

РОССИЙСКОЕ ЭХО
В КУЛЬТУРЕ АВСТРАЛИИ
(XIX – первая половина XX века)

Лене,
Елене Викторовне,
с неизменной симпатией
и глубоким уважением.
Жко давних встреч и нынешней.

Штеиникова

27.08.02.

Москва
ИВРАН
2002

Киева. Атмосфера там царила очень дружеская, которая помогала устанавливать научные связи людей, увлечённых Австралией и Океанией. На обед мы шли все вместе в ресторан «Будапешт» в Петровских линиях и шутили о родстве, которое мы получаем через потреблённую вместе еду, как это делали папуасы в докладе Николая Бутинова.

В 1985 году Институт востоковедения опубликовал мою «Библиографию Австралии (1710–1983)», Алла Савельевна и Ким Владимирович были её ответственными редакторами и крестными отцами этой книги. В 1989 году начались новые времена, и я поступила работать в отдел южно-тихоокеанских исследований Института востоковедения, и мы с Аллой Савельевной стали коллегами. Через год я уехала в Австралию, поступив в аспирантуру Австралийского национального университета. Следующий раз мы увиделись с Аллой Савельевной через 12 лет. В эту встречу она мне подарила свою новую книгу «Русское эхо в культуре Австралии (XIX — первая половина XX века)» с даром для меня посвящением.

Это эхо никогда не перестанет звучать и в моём сердце, и в сердцах её коллег.

Надеюсь, что читатели «Австралийской мозаики» познакомятся с её творчеством.

АЛЛА САВЕЛЬЕВНА ПЕТРИКОВСКАЯ (28.12.1930–14.09.2019) НЕКРОЛОГ

А.С. Петриковская, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, скончалась после продолжительной и тяжёлой болезни 14 сентября 2019 г.

Окончив в 1953 году филологический факультет Киевского государственного университета по специальности «филология», она в 1970 году перешла из московской редакции «Литературной газеты» в Институт народов Азии Академии наук СССР.

С этого времени всю свою профессиональную деятельность она посвятила изучению литературы и культуры Австралии, став одним из признанных и авторитетных специалистов в этой области. Эрудиция, вдумчивость, поразительная добросовестность и глубина научного анализа неизменно отличали её отношение к работе, вне

зависимости от того, шла ли речь о скромной рецензии, статье, выступлении на конференции или написании крупной монографии. Нельзя не сказать ещё об одной важной вещи: Алла Савельевна искренне любила Австралию и не изменяла этому чувству всю свою жизнь.

Она собирала свою «Австралиану» из различных изданий в Советском Союзе и России, посвящённых Пятому континенту: труды исследователей, очерки путешественников, эссе, рассказы, романы... Эта богатейшая коллекция насчитывает более тысячи томов.

В 1969 году А.С. Петриковская защитила диссертацию на тему «Новеллистика Генри Лоусона», а в 1972 году была опубликована её монография «Генри Лоусон и рождение австралийского рассказа».

А.С. Петриковская проявила себя как прекрасный специалист по литературоведению и культурологии,

Алла Савельевна Петриковская

широко известный в отечественных и зарубежных научно-литературных кругах. В сфере её научных интересов были история литературы и культуры Австралии, Новой Зеландии, Океании; политика мультикультурализма, а также женское движение в современной Австралии. Особое место в её исследованиях занимало изучение влияния российской литературы и культуры на искусство этих стран. А. С. Петриковская — автор ряда монографий: «Австралийский роман (литература и общество)», 1990; «Российское эхо в культуре Австралии (XIX-первая половина XX века)», 2002; «Культура Австралии в XIX–XX вв.», 2007. Ею, в соавторстве с В. В. Ощепковой, был опубликован Лингвострановедческий словарь Австралии и Новой Зеландии, 1998. Алла Савельевна участвовала в подготовке антологии «Австралия в русском восприятии», 2007.

За 2008–2012 гг. А. С. Петриковская завершила монографию «Австралийский феминизм как составляющая национального самосознания». Это первая в российском австраловедении работа, посвящённая женскому движению в Австралии.

Она принимала участие в написании коллективной монографии российских и австралийских учёных к 200-летию российско-австралийских отношений (2007). Монография содержит комплексный, на основе новых документов, анализ истории взаимоотношений этих двух стран. А. С. Петриковская — автор главы «Russia and Australia: Cultural Links».

Алла Савельевна поддерживала отношения со многими австралийскими писателями и учёными, такими как Алан Маршалл, Катарина Сусанна Причард, Нина Кристесен.

А. С. Петриковская пользовалась любовью и уважением своих коллег в Институте востоковедения и в других университетских и научных центрах России.

Светлая память сохранится в сердцах людей, знавших этого замечательного человека.

**Ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Валерий Павлович Николаев**

АЛЛА ПЕТРИКОВСКАЯ

ОТЕЦ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

(Отрывок из книги А. С. Петриковской «Российское эхо в культуре Австралии, /XIX — первая половина XX века/». Москва, ИВРАН, 2002)

Отец Иннокентий Серышев

Двойная направленность отличала энергичную культурно-просветительскую деятельность священника И. Н. Серышева (1883–1976) — православного миссионера, издателя газет и журналов на русском языке в Сиднее, публициста, переводчика, лектора, ориенталиста и эсперантиста. Ломкие, желтевшие страницы, плотно, с максимальной экономией места, заполненные текстом, отпечатанным с помощью «дубликатора» (пишущая машинка плюс ротатор), рисунки, трогательные своей примитивностью. Один вид журнала «Австралазия» (1933–1935), «непериодического издания», как честно обозначил инициатор (вышло всего несколько номеров), свидетельствует о том, каких усилий стоило это предприятие человеку,

не гнушавшемуся трудом разнорабочего ради пропитания и просвещения, настойчиво просившему о жертвованиях на благое дело. Самодельность журнала усиливает голос проповедника, убеждённого в том, что культурные задачи русского эмигранта диктуются не одной лишь необходимостью приспособиться к условиям чужбины.

В первом номере «Австралазии» И. Н. Серышев, называвший себя редактор-издатель (он же — наборщик-печатник), обратился к читателям: «Я считаю, что эмиграция наша имеет определённый нравственный долг пред своей Родиной, пред своей собственной совестью и пред Человечеством: пребывая „воленс-ноленс“ в чужих странах, использовать с максимальной пользой своё там пребывание, с пользой, выражающееся: 1) в составлении своего о них суждения и наблюдения; 2) в переводе и компиляции с языка данной страны на русский язык разнообразного материала, знакомящего все-сторонне с этой страной, её народом, бытом, историей, литературой, социальным строем и пр. Этот долг наш перед Родиной заключается в том, что мы должны возвратиться (или, если не сами, то наши дети) с богатым запасом знания чужих стран, дабы, им обогащённые, мы смогли быть разумными строителями новой жизни Новой России, так как богатый опыт чужих стран не может быть нам бесполезным. Пред своею СОВЕСТЬЮ наш долг заключается в оправдании нашего бытия и пребывания на чужбине, ибо Человек как таковой должен ВСЕГДА стараться чему-нибудь учиться при всяких условиях жизни, тем более при всяких условиях жизни в чужих краях, столь разнящихся от нашей страны. Мы не должны ПРОЗЯБАТЬ или пассивно тянуть жизненную лямку, мы должны РАБОТАТЬ, быть АКТИВНЫМИ. Дабы по возвращении, будучи расспрашиваемы о жизни чужбины, мы не смогли сказать, что мы ничего не знаем и ничему там не научились. Пред Человечеством наш долг изучать чужие страны потому, что ЗНАНИЕ чужих народов даёт их ПОНИМАНИЕ, а понимание рождает уважение и терпимость („понять — простить“) и сближение, а последнее даёт прочную гарантию МИРА народов».

Другой журнал Серышева, «Путь эмигранта» (1935–1945), пользовавшийся популярностью, имел подзаголовок: Орган русской культуры и изучения Австралии. Серышев создал также Русский кружок изучения Австралии.

Иннокентий Серышев с женой и сыном.
Фото из архива А. М. Топорова

В этом осознании «духовного „заказа“ истории» о. Иннокентий Серышев был одним из тех «наиболее чутких и творчески-ответственных, можно бы даже сказать — совестливых» из числа русских, оказавшихся не по своей воле на чужбине. Из тех, кому, как писал Г. В. Адамович, было свойственно «с одной стороны — смотреть в будущее, каково бы оно ни было, быть обращёнными к будущему, чтобы по мере сил принять в его устройении участие, с другой стороны — помнить о прошлом, не возвеличивая его без разбора, но и не клеветая на него, твёрдо хранить из его достояния то, что сохранения достойно».

Взгляды И. Н. Серышева связывает с «возрожденческой» идеологией русской европейской эмиграции историк Г. И. Каневская, поскольку он рассматривал сохранение русской культуры и расширение сферы её воздействия за рубежом как вклад в борьбу за возрождение России. «Разве Шаляпин и Павлова, и Жаров, и хор Афонского, и наши учёные и профессора в иностранных университетах и научных учреждениях не Русскому делу служат?!» — вопрошал он в журнале «Путь эмигранта».

Тезис о нравственном долге эмигранта применим к любому месту рассеяния русских, но Австралию и Океанию Серышев выделял особо. Девиз «Австралазии»: «На водах Пацифика будет сделан поворотный шаг в истории Человечества». Австралия и всё ещё таинственные острова, о которых даже сами британцы плохо осведомлены, заслуживают изучения географами и этнографами. Однако «не менее интересны и опыты демократического и социального строительства Австралии и Новой Зеландии». Журнал «Австралазия» был насыщен рефератами и переводами книг и статей о странах юга Тихого океана, с комментариями; на его страницах были напечатаны сделанные Серышевым первые переводы рассказов Генри Лоусона — «Жена погонщика» и «Ученик Стилмена». Серышев послал экземпляры своих изданий в Парламентскую библиотеку в Канберре,

ЕЛЕНА ГОВОР. ПАМЯТИ АЛЛЫ САВЕЛЬЕВНЫ

выразив сожаление, что ни там, ни в других библиотеках Австралии нет русского отдела. Его заверили, что в своё время это придёт.

Часть текстов в журналах Серышева была напечатана на эсперанто, то есть с мировым адресом, предполагавшим также местных эсперантистов. Но встречаются и тексты на английском языке — переводы из русских поэтов: ода Державина, в номере к столетию со дня смерти Лермонтова (1941, № 46) — «Выхожу один я на дорогу» («Elegy») и «Ангел». Эти публикации давали возможность русским донести родное слово до англоязычных австралийцев. Собираясь издать открытки для массового распространения и альбом с портретами великих соотечественников — М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, А. П. Павловой, Н. И. Лобачевского, С. В. Ковалевской и других, Серышев призывал делать взносы ради «большого русского культурного дела». «Альбом великих, выдающихся и знаменитых людей России» вышел в 1946 году с текстом на английском языке.

Этнические институты русской общины, вся «инфраструктура», возникали не по мановению волшебной палочки — кроме энтузиазма, требовались и финансы, и высокообразованные люди. В той же «Австралазии» в 1934 году И. Н. Серышев сетовал, что духовная, интеллектуальная жизнь русских иммигрантов в Австралии не только не бьёт ключом, «но даже и хотя бы маленьким родничком» — большинство занято борьбой за существование. В 1940 году он вновь высказывал неудовлетворённость по поводу того, что «социальной перманентной работы» фактически нет. И это при том, что в Сиднее всё-таки функционировали созданные его усилиями Русское издательство и типография «Ориенто» — первая и единственная в Австралии русская «печатня» (имевшая и английский шрифт, и шрифт эсперанто). Имелись и три русские библиотеки, пусть с небольшими ресурсами...■

Первая русская православная церковь в Сентиниел-парке в Сиднее

